

НЕ ВАШ СПАСИТЕЛЬ

GRANDpolitics

РАДИ КОГО
УМЕР ИИСУС?

GRAND politics

**НЕ ВАШ СПАСИТЕЛЬ!
РАДИ КОГО УМЕР ИИСУС?**

«Автор»

2026

politics G.

НЕ ВАШ СПАСИТЕЛЬ! РАДИ КОГО УМЕР ИИСУС? /
G. politics — «Автор», 2026

«Не ваш Спаситель» — книга, которая ставит под сомнение одну из главных идей христианства: утверждение, что Иисус умер за грехи всего мира и принёс себя в жертву ради спасения всего человечества. Но говорил ли об этом сам Иисус? Почему он обращался прежде всего к Израилю? Кого называл «погибшими овцами»? Что означали слова «за многих»? И когда смерть еврейского Мессии стала пониматься как жертва за каждого человека на земле? Книга возвращает читателя к текстам Евангелий, истории Иудеи и первым десятилетиям христианства. Автор исследует не только смысл смерти Иисуса, но и обстоятельства распятия, погребения и воскресения, задавая вопросы, которые редко звучат с церковной кафедры. Если Иисус умер за весь мир — почему в его собственных словах мы видим совсем другую историю? Ради кого он на самом деле пошёл на смерть?

© politics G., 2026
© Автор, 2026

Содержание

К Читателю	5
Глава 1. Ультиматум Яхве: Истинный план Иисуса	6
Геополитика первого века: Иудея под сапогом Рима	7
Анатомия Песаха: Кровь как триггер божественного вмешательства	9
Теология террора: Маккавеи и стратегия мученика	11
Филологическое расследование: Истинный смысл «Искупления»	12
Юбилейный год — ἄφεσις (áfэсис): Экономическая амнистия	13
Хронология мятежа: Провокация в Иерусалиме	14
Тайная Вечеря: Подписание контракта кровью	16
Голгофа: Анатомия казни и молчание Небес	18
Глава 2. Заговор элит: Иуда и спонсоры переворота	20
Экономика Храма и точка невозврата	21
Бухгалтер мятежа: Разрушение мифа о воре	22
Трудности античного перевода: Пароль παραδίδωμι (парадидоми)	24
Тайная Вечеря: Командир отдает приказ	25
Гефсиманская тьма и поцелуй смерти	26
Олигархи в тени: Иосиф Аримафейский и Никодим	27
Ночной суд: Поправление основ права	29
Гаввафа: Столкновение трех планов	30
Крушение: Трагедия исполнителя	32
Глава 3. Распятие и историческая физиология	33
Историческая реальность пятницы	33
Осознание абсолютного провала и крик оставленности	35
Археология распятия (оссуарий Иехоханана бен Хагакола)	37
Виды распятия: ноги прибывали не всегда	38
Медицинские доказательства: Клеймо пожизненного инвалида	39
Глава 4. Спецоперация «Гробница»: Спасение выжившего	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

GRAND politics

НЕ ВАШ СПАСИТЕЛЬ!

РАДИ КОГО УМЕР ИИСУС?

К Читателю

Эта книга — для человека, который знает, что поиск истины однажды приведет его к ответу. «Ищите — и найдете». Если эти слова когда-то были сказаны именно для вас и до сих пор живут в вашем сердце, тогда эта книга даст вам еще один ключ к пониманию той реальности, в которой мы все с вами обитаем.

Не всё так очевидно, как нам рассказывают, и не всё устроено так, как мы привыкли думать. Как говорил Павел, сейчас мы видим словно через мутное стекло. Но именно стремление понять, увидеть дальше привычного и задать вопросы, на которые другие боятся искать ответы, делает человека существом разумным. Именно в этом и заключается одна из важнейших ступеней нашего понимания высших сил, иных измерений и самой природы реальности.

Вокруг нас существует огромный, невероятно разветвленный мир, большую часть которого мы пока даже не способны осознать. Традиции, религии, воспитание, привычки и чужие представления с детства выстраивают вокруг нашего сознания стены, и со временем мы начинаем принимать эти стены за границы самого мира.

Но сквозь стены можно пройти. Твое сознание способно на многое.

Освободи свой разум и иди вперед. Эта книга — лишь часть огромного массива информации, способного дать тебе еще несколько ориентиров на пути к пониманию нашего места в мире, во Вселенной и в иных измерениях существования, о которых люди пока только догадываются.

Кому-то выгодно, чтобы ты продолжал думать именно так, как думаешь сейчас. Чтобы принимал готовые ответы, не задавал лишних вопросов и никогда не выходил за пределы того, что тебе разрешили считать возможным.

А ты думай так, как сам считаешь нужным.

Ты рожден не для того, чтобы всю жизнь повторять мысли других. Ты рожден, чтобы оставить обезьяну позади и в череде жизней однажды подняться выше самого себя. Возможно, путь окажется намного длиннее одной человеческой жизни, но пройти свою часть этого пути ты способен в любом случае.

Продолжай идти.

Я в тебя верю.

Глава 1. Ультиматум Яхве: Истинный план Иисуса

Две тысячи лет христианской теологии, кропотливо отшлифованной в прохладных византийских монастырях и сумрачных залах европейских университетов, приучили нас воспринимать смерть Иисуса из Назарета через призму безупречной, стерильной духовности. Для миллиардов людей крест на Голгофе предстает как некий космический алтарь, воздвигнутый вне времени, вне жестокой ближневосточной политики и вне географического пространства. В этой укоренившейся догматической парадигме Иисус — это безмолвная, покорная жертва, добровольно умиротворяющая гнев абстрактного Бога-Отца ради искупления «первородного греха», мистического метафизического пятна на душе человечества, оставленного мифическими Адамом и Евой. Согласно этой концепции, Мессия умер исключительно для того, чтобы после физической смерти души верующих могли беспрепятственно попасть в бестелесный рай, избежав вечных мук.

Однако эта элегантная, математически выверенная богословская конструкция, созданная поколениями греко-римских мыслителей и философов-неоплатоников, имеет один фатальный исторический изъян: она абсолютно чужда историческому, политическому, филологическому и, главное, психологическому контексту Иудеи первого века нашей эры. Если мы хотим понять, что на самом деле произошло в Иерусалиме весной тридцатого года, мы обязаны безжалостно разбить витрину благочестивого мифа и посмотреть на факты глазами очевидцев.

Человек в запыленной, пропахшей потом и костром одежде, въехавший в Иерусалим на молодом осле накануне праздника Песах, не собирался основывать новую мировую религию с иерархией епископов, золотыми соборами и судами инквизиции. Он не мыслил абстрактными категориями античной философии, не планировал отменять суровый, регламентирующий каждый шаг Закон Моисея и уж точно не ставил своей жизненной целью спасение бессмертных душ язычников-римлян от эсхатологического проклятия. Исторический Иисус был радикальным иудейским пророком апокалиптического толка. Он мыслил категориями священной земли, пролитой крови, невыносимой экономической оккупации и немедленного, физического военного вмешательства Бога в политическую историю Израиля.¹

Чтобы понять истинные, глубоко скрытые мотивы его беспрецедентного плана, приведшего его на крест, нам необходимо совершить ментальную текстологическую и историческую раскопку: снять слой за слоем поздние эллинистические интерпретации, очистить тексты от цензуры победившей имперской Церкви и вернуться в пыльный Иерусалим. Иерусалим, переполненный беженцами, религиозными фанатиками и вооруженными legionерами. Город, задыхающийся под кованым сапогом римской военной диктатуры и отчаянно жаждущий крови отмщения.

¹ Новый Завет (критическое издание NA28). Мф 10:5–6; 15:24–28.

Геополитика первого века: Иудея под сапогом Рима

В первом веке нашей эры провинция Иудея представляла собой геополитическую пороховую бочку, готовую взорваться от любой, даже самой незначительной искры. Это была земля, жестко оккупированная самой безжалостной, циничной и эффективной военной машиной древнего мира — Римской империей. Для рядового иудея, будь то нищий крестьянин-арендатор из беспокойной Галилеи или ремесленник из Иерусалима, власть Рима означала отнюдь не приобщение к высокой античной цивилизации с ее мраморными акведуками, театрами, банями и передовым римским правом.

Рим означал жесточайшие, экономически уничтожающие налоги, которые методично выдавливали из населения все жизненные соки. Система была выстроена на тотальном, узаконенном грабеже ресурсов: трибутум соли — земельный сельскохозяйственный налог, забиривший до трети, а в засушливые годы и до половины урожая пшеницы, масла и вина; и трибутум капитис — подушная подать, которую обязан был платить серебром каждый взрослый человек просто за право существовать на своей земле. Сборщики налогов, те самые мытари, не были государственными служащими в современном понимании; это были частные откупщики, которые покупали право собирать налоги у Рима и выколачивали из населения суммы, многократно превышающие официальную квоту. Они опирались на острые копыта римских солдат и вспомогательных сирийских когорт.²

Рим означал ежедневный произвол коррумпированных префектов. Понтий Пилат, которого христианская традиция часто пытается выставить сомневающимся философом, умывающим руки, в реальности был жестоким, прагматичным и безжалостным администратором. Исторические хроники Иосифа Флавия и Филона Александрийского описывают Пилата как человека, виновного в непрерывных казнях без суда, коррупции, насилии и оскорблении религиозных чувств иудеев. Он демонстративно вносил в Иерусалим военные штандарты с изображениями императора, что для евреев было вопиющим идолопоклонством, и тратил священные деньги из сокровищницы Храма на строительство акведука, жестоко подавляя дубинками любые протесты толпы.³

В этой душной, пропитанной липким страхом и сжигающей ненавистью атмосфере кон-осащепция Мессии — на древнееврейском מָשִׁיחַ (маши`ах), то есть «Помазанник», — имела лютно конкретный, прикладной и военно-политический смысл. Мессия в понимании евреев того времени не был второй ипостасью божественной Троицы, сошедшей с небес в человеческом теле. Мессия — это законный земной царь из рода Давида, харизматичный военный полководец и бескомпромиссный политический лидер. Его негласная должностная инструкция, предписанная древними пророками, состояла из трех незыблемых пунктов.

Во-первых, силой оружия и при прямой, сокрушительной военной поддержке ангельских легионов изгнать римскую администрацию и их местных приспешников с территории обетованной земли. Во-вторых, воссоздать независимое теократическое иудейское государство, собрать все рассеянные по ойкумене колена Израилевы и сделать очищенный Иерусалим центром нового, справедливого мирового порядка, которому будут платить дань все языческие народы. И в-третьих, очистить Храм — изгнать коллаборационистскую элиту в лице могущественной аристократической касты саддукеев и первосвященников, покупавших свои должности у римских префектов за золото, и восстановить истинное, не оскверненное политическими компромиссами богослужение.

² Э. П. Сандерс. «Иудаизм: практика и вера». С. 146–151, 163–169.

³ Иосиф Флавий. Иудейская война 2.169–177; Филон Александрийский. Посольство к Гаю 299–305.

Именно такого вождя-мстителя ждал народ, доведенный до крайнего отчаяния. Когда в евангельских текстах экзальтированная толпа кричит въезжающему на осле Иисусу: «אֲנִי הָעִשָּׂא (хошиа на) — Сыну Давидову!», люди не просят простить им тайные прегрешения гордыни, лени или алчности. Само древнееврейское выражение אֲנִי הָעִשָּׂא (хошиа на), переданное в русском тексте как «осанна», не является абстрактным религиозным или литургическим возгласом. Оно имеет грамматически повелительное наклонение и буквально переводится как отчаянная мольба или прямой приказ: «Спаси нас прямо сейчас!». Это не молитва о загробной жизни, это предвыборный политический лозунг, призыв к немедленному восстанию, крик нации, требующей главнокомандующего, который прямо завтра поведет их с мечами и колющими на бой с расквартированными в крепости Антония легионами Кесаря.⁴

Понимал ли всю тяжесть этих ожиданий сам Иисус? Безусловно. Вся его страстная проповедь Царства Божьего была до краев пропитана эсхатологическим ожиданием скорой и кровавой катастрофы для угнетателей. Однако Иисус, в отличие от радикальных zelotim и sicarii — вооруженных партизан-террористов, полагавшихся на короткие кинжалы в плотной толпе и засады в горных ущельях, — обладал феноменальным, трезвым стратегическим умом.

Он прекрасно осознавал суровую политическую математику: сбросить власть Рима обычными железными мечами было физически невозможно. Римская тяжелая пехота, железная дисциплина когорт и осадные машины были непобедимы. Сила сопротивления разрозненных, истощенных голодом крестьян была смехотворна по сравнению с бездушной, слаженной имперской машиной подавления. Требовалось супероружие совершенно иного порядка. Требовалось прямое, физическое вмешательство самого Творца Вселенной. Но как заставить молчащего Бога вмешаться в человеческую историю здесь, сейчас, в эту самую весну?

Разумеется, Иисус не оставил после себя политического дневника, в котором по пунктам расписал собственный замысел. Но история вообще редко предоставляет исследователю такую роскошь. Замысел человека восстанавливается по последовательности его действий, выбранному времени, словам и тем последствиям, к которым он сознательно шел. В случае Иисуса эти элементы складываются слишком точно, чтобы продолжать рассматривать их как набор случайных эпизодов: Песах, демонстративный messiанский въезд в Иерусалим, удар по Храму, слова о собственной жизни как выкупе, кровь нового Завета и, наконец, ожидание небесных легионов. По отдельности каждый из этих эпизодов допускает десятки богословских толкований. Вместе они образуют единую конструкцию. Перед нами не набор красивых религиозных символов, а последовательная политико-теологическая стратегия, в центре которой стоит одна страшная идея: кровь Мессии должна заставить Бога вмешаться в историю Израиля.⁵

⁴ Новый Завет (критическое издание NA28). Мк 11:9–10; Мф 21:9.

⁵ С. Дж. Джозеф. «Иисус и Храм». С. 210–218, 237–244.

Анатомия Песаха: Кровь как триггер божественного вмешательства

Чтобы запустить механизм божественного вмешательства, Иисус обращается к самому мощному, фундаментальному архетипу иудейской национальной истории — Исходу из Египта. Выбор времени для его кульминационной провокации не был случайностью или совпадением. Он осознанно решает бросить вызов властям Империи и коррумпированной храмовой элите именно на Песах.

Современное комфортное восприятие Пасхи как светлого праздника весеннего возрождения полностью стирает ее первоначальный, крайне жесткий, бескомпромиссно политизированный и буквально залитый кровью смысл. Для евреев первого века Песах был днем безоговорочной политической независимости, празднованием величайшего геополитического чуда, когда-либо случавшегося с их предками. Он напоминал о страшном времени, когда народ находился в египетском рабстве, строил города для фараона, а правитель величайшей сверхдержавы того времени категорически отказывался их отпустить.

Что заставило гордого фараона сломаться и отпустить сотни тысяч рабов? Не возвышенные духовные проповеди пророка Моисея, не философские диспуты и не призывы к всепрощению и любви к ближнему. Фараона сломало исключительно физическое, непропорциональное насилие Небес — десять страшных казней, кульминацией которых стала массовая, одномоментная смерть всех египетских первенцев в одну ночь. Механика спасения в ту страшную ночь, скрупулезно описанная в библейской книге Исход, была предельно прагматичной: каждая еврейская семья должна была зарезать годовалого агнца и помазать его горячей кровью деревянные косяки своих дверей.⁶

Ангел Смерти, проходя сквозь ночной Египет и видя эту кровь, в буквальном смысле «проходил мимо» еврейских домов, обрушивая свой безжалостный карающий удар исключительно на дома египтян. В этой древней, архаичной парадигме кровь невинного агнца не смывала моральные прегрешения людей. Она не делала их духовно чище перед лицом вечности. Она была строгим сигнальным маркером, паролем и юридическим катализатором военного договора. Кровь на деревянном косяке кричала в темные Небеса: «Мы выполнили свою часть сделки, мы принесли предписанную жертву и доказали абсолютную верность. Теперь Твоя очередь сдержать слово и нанести сокрушительный удар по нашим угнетателям!».

Иисус берет эту древнюю, проверенную тысячелетием рабочую схему и масштабирует ее до размеров современного ему античного мира. Древний Египет остался в далеком прошлом, его гробницы занесло песком. Теперь новым Египтом стал железный Рим. Фараона сменил параноидальный, подозрительный император Тиберий, управляющий миром со своей укрепленной виллы на острове Капри. А вместо еврейского народа в рабстве оказалась вся оккупированная Иудея. Иисус приходит к теологическому выводу, который поражает своей стратегической дерзостью и фатализмом: чтобы Яхве снова, как тысячи лет назад, вмешался и сокрушил Римскую империю, нужен новый Исход. А для запуска нового Исхода нужна новая, беспрецедентная по своей силе, святости и политической ценности пасхальная жертва.

Но почему Иисус решил, что этой ультимативной, финальной жертвой должен стать лично он сам, а не сотни тысяч животных, которых в дни Песаха конвейером резали на алтарях Иерусалимского Храма так, что кровь буквально широкими ручьями текла по специальным стокам в долину Кедрон? Ответ кроется в развитии иудейского богословия в так называемый межзаветный период — в эпоху между написанием последних книг Ветхого Завета и собы-

⁶ Септуагинта (Ветхий Завет). Исх 12:1–32.

тиями Завета Нового, в частности, во время жесточайших Маккавейских войн против сирийского владычества.

Теология террора: Маккавеи и стратегия мученика

Во Второй и Четвертой книгах Маккавейских, текстах, которые были отлично известны образованным современникам Иисуса, читались в синагогах и формировали национальное самосознание сопротивления, ярко выводится и философски обосновывается концепция «искупительного мученичества».⁷

Маккавейские книги помещают эти события примерно в 167 год до нашей эры, когда селевкидский царь Антиох IV Епифан попытался насильственно эллинизировать Иудею. Он запретил под страхом смерти обрезание и соблюдение субботы, принуждал евреев есть свинину и поклоняться Зевсу, а Иерусалимский храм осквернил языческим культом. Многие праведники предпочли пытки и смерть предательству Закона. Одним из самых известных символов этого абсолютного сопротивления стал девяностолетний книжник старец Елеазар и безымянная мать с семью сыновьями-мучениками.

Идя на эту мучительную публичную казнь, Елеазар и братья не просто демонстрировали стоическую стойкость, которой бы позавидовали римские гладиаторы. Они формулировали строгий, бескомпромиссный теологический ультиматум Самому Богу. Один из пытаемых братьев, истекая кровью на орудиях пыток, прямо бросает в лицо палачам и небесам леденящие слова: «Я же, как и братья мои, предаю и душу и тело за отеческие законы, призывая Бога, чтобы Он скоро умилился над народом... и чтобы на мне и на братьях моих остановился гнев Всмогущего». В более поздних текстах эта политико-богословская мысль доведена до теологического абсолюта — мученики стали как бы выкупом за грех народа; и через их кровь Провидение спасло Израиль.

Это и есть тот самый фундаментальный ключ к дешифровке скрытого плана Иисуса. В иудейском религиозном сознании первого века кровь абсолютного праведника, несправедливо и жестоко пролитая нечестивыми язычниками, обладала эффектом теологического кумулятивного заряда. Она буквально «загоняла Бога в угол». Яхве, как строгий гарант Завета и высший Судья Вселенной, не мог вечно, безучастно смотреть на страшные страдания своих лучших, безгрешных сынов. Кровь праведника вопиет от пропитанной ею земли, требуя немедленного, разрушительного отмщения. Она переполняет незримую чашу божественного терпения и вынуждает Бога сбросить с небес свои карающие ангельские легионы на головы язычников.

Иисус осознает себя не просто выдающимся праведником, чудотворцем или мудрым учителем нравственности. Он знает себя как Мессию. И логика его плана безупречна и математически безжалостна: если мученическая смерть простого старца Елеазара смогла вызвать гнев Бога и в итоге привела к невероятной военной победе партизан-Маккавеев над регулярной сирийской армией, то какой же апокалиптической, сокрушительной, стирающей империи в радиоактивный порошок должна стать реакция Небес, если языческий Рим распнет самого Помазанника Божьего? Да еще и прямо накануне священного праздника Песах, в духовной столице мира, на глазах у сотен тысяч паломников?

⁷ Д. де Сильва. «Четвёртая книга Маккавейская: введение и комментарий». 4 Макк 6:27–29; 17:20–22; Септуагинта (Ветхий Завет). 1 Макк 1:41–64; 2 Макк 6:1–7:42.

Филологическое исследование: Истинный смысл «Искупления»

Чтобы доказать эту радикальную политическую теорию, нам необходимо оставить в стороне поздние трактаты отцов церкви и обратиться к первоисточникам, вооружившись инструментами сравнительной текстологии и филологии. Нам нужно посмотреть на подлинные арамейские и ивритские концепции, стоящие за греческими словами, приписываемыми Иисусу в самых древних, не отредактированных слоях евангельской традиции.

Главный текст, на котором базируется традиционное, знакомое всем нам церковное учение о «смерти за первородный грех мира», находится в Евангелиях и гласит: «Ибо и Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих». Церковные теологи, мыслящие в утонченной греческой философской парадигме, веками интерпретировали переведенное слово «искупление» — в оригинале *λύτρον* (лю́трон) — как некую мистическую транзакцию, плату за поврежденную грехом природу человека. Но проблема в том, что исторический Иисус не говорил на изящном греческом языке. Он говорил на грубом галилейском диалекте арамейского языка и мыслил строгими, ветхозаветными категориями Торы.

Если мы посмотрим на Септуагинту, древнейший греческий перевод Ветхого Завета, мы увидим нечто поразительное. Слово *λύτρον* (лю́трон) используется там почти исключительно для перевода еврейского строгого юридического термина כֹּפֶר (ко́фэр). Этот термин в античном праве не имеет абсолютно ничего общего с «духовной нечистотой», очищением кармы или первородным грехом. Он имеет строгий экономический и криминально-правовой смысл.

В древнем Израиле и на всем Ближнем Востоке כֹּפֶר (ко́фэр) — это был вполне реальный выкуп. Это конкретная цена, измеряемая в полновесном серебре или скоте, которую платили за освобождение военнопленного, за выкуп родственника из долгового рабства или за сохранение жизни человека, приговоренного судом к смерти. В мире, где за неуплату римских налогов целые семьи крестьян продавались на невольничьих рынках, метафора выкупа была самой страшной, осязаемой и понятной реальностью.

Когда Иисус говорит своим потрясенным ученикам, что планирует отдать жизнь как «выкуп за многих», он использует социально-политический и юридический язык, понятный каждому нищему крестьянину на улице. Но национальный адресат этой жертвы определяется не одним словом «многие», а всей последовательной рамкой его миссии. Посылая Двенадцать, Иисус запрещает им идти к язычникам и самаритянам и направляет их к «погибшим овцам дома Израилева». В споре с хананеянкой он повторяет: «Я послан только к погибшим овцам дома Израилева». А своим ближайшим ученикам обещает двенадцать престолов, с которых они будут судить двенадцать колен Израиля. Поэтому выражение «выкуп за многих» нельзя читать в отрыве от этой программы: Мессия действует ради народа Завета, собирает двенадцать колен и приносит себя в жертву в самый разгар Песаха. *λύτρον* (лю́трон) обозначает реальный выкуп, но его национальный адресат раскрывается совокупностью слов и символических действий Иисуса. В этой логике он отдает жизнь не за безымянное человечество будущих веков, а за Израиль, который должен быть освобожден от рабства, оккупации и грядущей катастрофы.⁸

⁸ Септуагинта (Ветхий Завет). Исх 21:30; Притч 6:35; 13:8; Новый Завет (критическое издание NA28). Мк 10:45; Мф 10:5–6; 15:24; 19:28; 20:28.

Юбилейный год — ἄφεσις (áfэсис): Экономическая амнистия

Чтобы поставить финальную текстологическую точку, мы должны посмотреть на сами слова, которые произносил Иисус, когда проповедовал наступление Царства. Когда он говорил о «прощении» или «освобождении» в своих проповедях, он использовал термины, которые на греческий были переведены словом ἄφεσις (áfэсис). Поздняя Церковь, оторванная от иудейских корней, перевела это исключительно в духовном смысле — как «отпущение грехов». Но в древних текстах слово ἄφεσις (áfэсис) используется для перевода важнейшего еврейского социально-экономического понятия — Юбилейного года. Юбилейный год, наступающий раз в пятьдесят лет, означает не абстрактное очищение совести, а строго конкретные, радикальные физические и экономические реформы. Во-первых, физическое освобождение всех рабов и пленников на свободу. Во-вторых, полное, безоговорочное прощение и списание всех финансовых долгов бедняков. И в-третьих, возврат всей отобранной за долги земли ее первоначальным родовым владельцам. Когда Иисус заявляет, что он пришел проповедовать пленным освобождение, он объявляет не о мистической чистке кармы перед лицом вечности.⁹

Он в одностороннем порядке объявляет эсхатологический Юбилейный год. Он обещает своим слушателям реальное, физическое, политическое и экономическое освобождение. И инструментом этого глобального освобождения должен стать его личный כּוּפָּר (кóфэр), его выкуп — его собственная смерть от рук римлян, которая заставит Яхве сбросить с неба легионы и восстановить справедливость.

⁹ Септуагинта (Ветхий Завет). Лев 25; Ис 61:1–2.

Хронология мятежа: Провокация в Иерусалиме

Твердо веря в свою уникальную миссию ультимативной пасхальной жертвы, Иисус начинает действовать не как кроткий проповедник, а как гениальный, абсолютно хладнокровный политический стратег и провокатор. Ему было недостаточно просто быть тихо убитым в темном иерусалимском переулке ножом наемного убийцы. Тайная смерть в подворотне не имела никакого публичного теологического веса перед Богом и народом. Ему было жизненно необходимо, чтобы его смерть стала грандиозным публичным спектаклем. Она должна была произойти в правильном месте — в Иерусалиме, духовном центре мира. В правильное сакральное время — строго накануне заклания миллионов пасхальных агнцев. И от рук правильных людей — жестокой языческой римской власти при трусливом, официальном попустительстве коррумпированного Синедриона. Для достижения этой цели он методично, шаг за шагом режиссирует серию блестящих публичных акций, сознательно не оставляя властям иного выбора, кроме как арестовать его как политического преступника и предать самой позорной публичной казни.

За несколько дней до Песаха Иисус спускается с Елеонской горы, сидя на молодом осле, в плотном окружении ликующей толпы сторонников, пришедших с ним из мятежной Галилеи. Для неподготовленного римского центуриона, лениво наблюдающего за пыльной дорогой со стен неприступной крепости Антония, это выглядит как нелепая крестьянская процессия. Но для любого образованного иудея, знающего наизусть древнее пророчество Захарии о Царе, грядущем на молодом осле, это была открытая, дерзкая и недвусмысленная декларация своих исключительных, богоданных прав на монарший престол. Это была перчатка, брошенная прямо в лицо

Империи. Толпа паломников мгновенно считывает этот древний символический код. Люди в религиозно-политическом экстазе начинают срывать с себя верхние плащи и стелить пальмовые ветви под копыта осла, громко приветствуя его как истинного царя-освободителя. С точки зрения римского права это был акт неприкрытого сепаратизма и государственной измены.

На следующий день Иисус идет на максимальное обострение и совершает акт открытого, агрессивного государственного мятежа. Иерусалимский Храм в первом веке не был просто тихим местом молитвы с зажженными свечами. Это было циклопическое сооружение, архитектурное чудо света. Это был национальный резервный банк, где хранились колоссальные богатства нации. Это был главный экономический двигатель всей Иудеи, гигантская скотобойня Ближнего Востока и, что самое главное, зримый символ политического коллаборационизма. Высшие первосвященники контролировали баснословные денежные потоки и назначались напрямую римскими префектами, обслуживая их экономические интересы.¹⁰

Врываясь в просторные храмовые дворы, переворачивая тяжелые деревянные столы, менял со звоном рассыпающимся серебром, сплетая бич из грубых веревок и физически, с применением силы изгоняя торговцев жертвенным скотом, Иисус наносит точечный, болезненный удар прямо по финансовому сердцу проримской элиты. Он символически парализует работу Храма, заявляя перед тысячами изумленных свидетелей, что священное место осквернено неумной жадностью и грязным компромиссом с Римом, и должно быть немедленно очищено перед грядущим установлением Божьего Царства. Этот радикальный, безумный по своей смелости поступок гарантировал ему немедленный арест. Первосвященник Каиафа и префект Понтий Пилат, чья главная задача заключалась в поддержании железного порядка во время взрывоопасного Песаха, просто физически не могли оставить такую выходку безна-

¹⁰ Э. П. Сандерс. «Иудаизм: практика и вера». С. 85–92.

казанной. Смертельная ловушка, которую Иисус готовил годами, наконец-то захлопнулась по строго выверенному плану самого осужденного.

Тайная Вечеря: Подписание контракта кровью

Накануне своего неминуемого ареста Иисус собирает своих командиров — двенадцать ближайших сторонников — на традиционную пасхальную трапезу в тайной, заранее подготовленной горнице. Эта ночная встреча — так называемая Тайная Вечеря — не была благочестивым учреждением нового мирного церковного таинства Евхаристии. Это был глубоко иудейский политико-теологический ритуал, полное, радикальное переосмысление договора с Богом перед началом решающей, апокалиптической битвы. На столе перед ними лежали символы Исхода: горькие травы, напоминающие о горечи египетского рабства, пресный хлеб маца — хлеб поспешного бегства — и вино. Поднимая тяжелую чашу с красным вином, в густой тишине, нарушаемой лишь прерывистым дыханием потрясенных учеников, он произносит слова, которые должны были навсегда, как клеймо, врезаться в их память: «Сие есть Кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая». В ушах его соратников эти слова резонировали с древними, грозными словами пророка Моисея у подножия горы Синай, когда тот буквально окропил народ свежей кровью принесенных в жертву быков, навечно закрепляя Завет между Яхве и Израилем.¹¹

Иисус прямо и без теологических обиняков сообщает своим соратникам суть своего страшного плана: старый договор, основанный на постоянном, бесконечном пролитии крови невинных животных на каменных алтарях Храма, не принес окончательного освобождения от рабства жестоких империй. Рим все еще здесь. Теперь он сам, добровольно, берет на себя роль того самого безупречного пасхального агнца. Он абсолютно, непоколебимо уверен: как только его, великого праведника и законного Мессии, кровь прольется на камни Иерусалима и обагрит дерево креста, древний договор будет исполнен, и Яхве разорвет небеса, чтобы немедленно вмешаться в ход истории. В крайне напряженный момент ночного ареста в темном Гефсиманском саду, когда предатель Иуда целует его, а один из учеников в приступе отчаяния и ярости достает короткий меч и отрубает ухо рабу первосвященника, Иисус властно останавливает кровопролитие и делает заявление, полностью раскрывающее циклопический масштаб его ожиданий: «Или думаешь, что Я не могу теперь умолить Отца Моего, и Он представит Мне более, нежели двенадцать легионов Ангелов?».

Это не было красивой поэтической метафорой пацифиста, покорно идущего на заклание. Иисус реально, физически этого ожидал в ту самую ночь. Двенадцать полнокровных римских легионов, то есть около шестидесяти тысяч тяжеловооруженных бойцов, были в античном мире колоссальной, несокрушимой силой, способной стереть с лица земли любую империю и подавить любое восстание. Иисус шел на ночной суд Синедриона, на унижительный допрос к Пилату, под страшные бичи римских ликторов и, наконец, на крест Голгофы не с жалкой покорностью обреченного фаталиста, а с яростной, фанатичной уверенностью генерала-камикадзе. Он лично бросался на вражеские копья, твердо зная, что за его избитой спиной стоит непобедимая космическая армия, ожидающая лишь одного условленного сигнала — пролития крови Праведника — чтобы начать тотальную атаку и стереть гордый Рим в пыль истории.¹²

Весь беспрецедентный план Иисуса был выстроен на фанатичной, непоколебимой вере в то, что его понимание скрытых механизмов божественной справедливости безошибочно. Он все рассчитал с пугающей, математической точностью: сакральное время Песаха, место в Иерусалиме, публичную провокацию в Храме, ночной арест, скорый суд и показательный смертный приговор. Он сознательно довел себя до римского креста, блестяще выполнив свою часть

¹¹ Новый Завет (критическое издание NA28). Мк 14:22–25; 1 Кор 11:23–26.

¹² Новый Завет (критическое издание NA28). Мф 26:52–54.

сделки как новый праведный мученик Елеазар и ультимативный пасхальный агнец, чья кровь должна была помазать косяки мироздания.

Голгофа: Анатомия казни и молчание Небес

Римское распятие было не просто способом казни — это был выверенный веками шедевр государственного террора, инженерно сконструированный для причинения максимальной, невыносимой боли и абсолютного публичного унижения. Когда грубые, квадратные железные римские гвозди длиной до пятнадцати сантиметров с тошнотворным хрустом пробили его запястья, поражая срединный нерв и вызывая ослепительные прострелы огненной боли по обеим рукам при каждом малейшем движении, и пяточные кости, прибывая к неотесанному, занозистому дереву креста, он, вероятно, с последней надеждой смотрел на потемневшее весеннее иерусалимское небо в ожидании спасительного грохота небесных труб.¹³

Он ждал, что земля под подкованными сандалиями легионеров содрогнется, массивный каменный фундамент Храма рухнет, рассыпаясь в пыль, римские когорты будут смешаны с грязью пожирающим божественным огнем, а он сам, чудесно исцеленный от ран, сойдет с окровавленного креста во главе возрожденного, свободного Израиля, чтобы навсегда воссесть на золотом троне царя Давида и судить народы.

Но шли долгие, мучительные часы невыносимой пытки под палящим ближневосточным солнцем. Небо оставалось абсолютно глухим и равнодушно пустым. Легионы ослепительных ангелов с огненными мечами так и не появились из-за облаков.

Двенадцать легионов невидимой армии так и остались лишь теологической фантазией умирающего пророка. Вокруг креста стояли лишь скучающие, привыкшие к крови сирийские наемники во вспомогательных римских когортах, бросающие кости и деловито делившие его жалкие пропитанные потом и кровью одежды. Да равнодушная толпа зевак, наблюдавшая за мучительной смертью очередного неудавшегося царя Иудеи, не оправдавшего их горячих надежд на вооруженное восстание против Рима.

Именно в этот страшный момент, около девятого часа, то есть примерно в три часа дня по нашему времени, из груди висящего, изломанного и обезображенного побоями Иисуса вырывается один из самых страшных, леденящих душу и подлинных криков отчаяния во всей мировой истории религии. Крик, который был настолько скандальным, богословски неудобным и разрушительным для последующей христианской догматики, что позднейшие церковные редакторы так и не решились полностью вымарать его из самых древних, аутентичных текстов. Он был слишком глубоко и болезненно врезан в коллективную память потрясенных очевидцев, чтобы его можно было просто стереть пером имперского цензора: «Ἐλωὶ ἔλωὶ λὲμὰ σαβαχθάνι; (элóи, элóи, лэмá савахтáни?) — Боже Мой! Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?».¹⁴

Это не было смиренным, благочестивым литургическим цитированием двадцать первого псалма Давида для богословского назидания потомков, как позже будут отчаянно и неуклюже уверять христианские апологеты, пытаясь любой ценой сгладить острые углы неприглядной истории. У человека, медленно умирающего от тяжелейшего гиповолемического шока от потери крови после бичевания и мучительной механической асфиксии, когда легкие постепенно наполняются жидкостью, а каждый крошечный, судорожный вдох требует подтягивания всего веса тела на пробитых железными гвоздями, стертых до костей ногах, физически нет ни сил, ни дыхания для цитирования длинных храмовых текстов. Каждое произнесенное на кресте слово стоило невероятных, нечеловеческих мук.

Это был не псалом. Это был первобытный, животный крик абсолютного экзистенциального и политического краха. Ультиматум Яхве был безмолвно отвергнут. Великий теологический и политический план нового Исхода провалился с оглушительным, позорным треском.

¹³ М. Маслен, П. Митчелл. «Медицинские теории о причине смерти при распятии». С. 185–188.

¹⁴ Новый Завет (критическое издание NA28). Мк 15:34; Мф 27:46; Септуагинта (Ветхий Завет). Пс 21/22.

Римская Империя продолжала стоять незыблемо, жестокий префект Понтий Пилат спокойно пил разбавленное водой вино в прохладных залах дворца Ирода, а Мессия медленно и мучительно задыхался в собственной крови, осознавая в последние, темнеющие секунды угасающего сознания ужасающую, холодную правду: Бог не вступился за него. Древний договор, на который он поставил свою жизнь и судьбу нации, не сработал.

Казалось, это был бесславный конец истории. Еще один распятый бунтарь-идеалист, чье имя скоро навсегда растворится в горячей пыли Иудеи, смешается с тысячами других распятых тел и будет забыто даже собственными учениками, в панике и животном ужасе разбежавшимися при первом же появлении храмовой стражи с факелами и обнаженными мечами в ночной тьме Гефсиманского сада.

Но то, что произошло в следующие несколько часов после того, как голова казненного бессильно упала на впалую грудь — благодаря невероятному, тайному вмешательству крайне влиятельных теневых покровителей из числа высшей политической элиты Синедриона и беспрецедентной медицинской спецоперации, проведенной под покровом сумерек в прохладной вырубленной в скале каменной гробнице — превратило этот катастрофический личный провал в отправную точку величайшей мистификации в истории человечества. Мертвое, как думали абсолютно все свидетели казни, тело не досталось на растерзание бродячим римским псам и стервятникам. И Мессия, вопреки всем законам физиологии, логики и имперской политики, не собирался исчезать со сцены.

Глава 2. Заговор элит: Иуда и спонсоры переворота

История человечества, написанная победителями и кропотливо отредактированная поздними теологами, не терпит сложных политических схем. Ей нужны простые, понятные неискушенным массам архетипы. Ей нужен безупречный, сияющий неземным светом герой и абсолютно черный, лишенный полутонов и человеческой логики злодей. Когда грандиозный, математически выверенный план Иисуса по провоцированию божественного вмешательства рухнул на кресте Голгофы, его потрясенным последователям потребовался громоотвод. Они стояли перед лицом немыслимой катастрофы: Мессия мертв, Рим торжествует, а Небеса так и не разверзлись. Им нужно было срочно найти того, на кого можно возложить всю вину за этот чудовищный политический провал, чтобы снять ответственность с самого Бога и с ошибочных расчетов своего лидера. Им нужен был козел отпущения. И этот ярлык на две тысячи лет был намертво приклеен к человеку, чье имя стало универсальным синонимом предательства во всех языках мира.

К Иуде Искарйоту. Христианская традиция, запечатленная на тысячах фресок и витражей, рисует Иуду мелким, алчным вором, человеком, который продал Сына Божьего за звенящие тридцать сребреников, а затем в приступе нелепого, запоздалого раскаяния удавился на осине. Этот карикатурный, плоский образ идеально подходит для детских воскресных школ, средневековых мистерий и морализаторских проповедей. Но при ближайшем историческом, экономическом, криминалистическом и текстологическом рассмотрении эта удобная версия рассыпается в пыль, обнажая куда более сложную, пугающую и масштабную картину реального политического заговора в высших эшелонах власти Иудеи.

Экономика Храма и точка невозврата

Чтобы понять мотивы действующих лиц, мы должны спуститься с небес теологии на землю реальной экономики Иерусалимского Храма первого века. Религиозная власть в Иудее была неотделима от колоссальных денежных потоков. Иерусалимский Храм, контролируемый партией саддукеев и лично кланом первосвященников Анны и его зятя Каиафы, представлял собой не просто святилище, а гигантскую финансовую корпорацию, монополизировавшую всю экономическую жизнь нации. По закону каждый взрослый еврей в мире был обязан ежегодно платить храмовый налог в размере половины шекеля. Для уплаты храмового налога использовались тирские шекели, ценившиеся прежде всего за стабильное высокое содержание серебра. Парадокс заключался в том, что сам тирский шекель вовсе не был свободен от языческой символики: на его лицевой стороне изображался Мелькарт, тирский бог, а на обороте — орёл. Храм принимал эту монету не из-за отсутствия идольских изображений, а потому, что её серебро считалось надёжным и соответствовало требуемому весовому стандарту.¹⁵

Из-за этого на территории Храма действовала огромная сеть менял, которые обменивали валюту паломников со всего мира на храмовые деньги, взимая грабительскую комиссию. Кроме того, семья Каиафы полностью монополизировала продажу жертвенных животных. Паломник, пришедший издалека, не мог принести своего личного агнца, храмовые инспекторы обязательно нашли бы в нем скрытый порок и забраковали бы его. Человек был вынужден покупать животное прямо во дворах Храма по цене, многократно превышающей рыночную. Это был идеальный, узаконенный рэкет, приносивший элите тонны серебра, часть которого в виде взяток и откатов отправлялась римскому префекту Понтию Пилату за политическую поддержку.

Когда Иисус в преддверии Песаха вошел в Храм, он не просто прочитал духовную проповедь, он совершил акт экономического терроризма. Переворачивая тяжелые столы менял, с которых со звоном рассыпалось серебро, и бичом изгоняя торговцев скотом, он на несколько часов полностью парализовал работу главного национального банка и скотобойни. Он ударил прямо по кошельку Каиафы на глазах у тысяч восторженных паломников. В Евангелии от Марка, в одиннадцатой главе, в семнадцатом стихе, он бросает элите в лицо жесточайшее обвинение, говоря им, что дом его домом молитвы наречется для всех народов, а они сделали его вертепом разбойников. Это была абсолютная точка невозврата. Иисус публично бросил вызов храмовой мафии. С этого момента его физическое устранение стало для саддукеев вопросом политического и экономического выживания.

¹⁵ Э. П. Сандерс. «Иудаизм: практика и вера». С. 85–92.

Бухгалтер мятежа: Разрушение мифа о воре

Именно в этот критический момент на сцену выходит Иуда Искариот. Евангелие от Иоанна, в шестом стихе двенадцатой главы, написанное позже всех и наиболее враждебно настроенное к иудеям, пытается объяснить мотивы Иуды банальной kleptomанией, комментируя его возмущение тратой дорогого мира на помазание Иисуса. Там сказано, что сказал он это не потому, чтобы заботился о нищих, но потому что был вор, имел при себе денежный ящик и носил, что туда опускали. Давайте проанализируем этот эпизод помазания в Вифании с точки зрения здравого смысла и логики подпольной организации. Женщина разбивает алавастровый сосуд с чистым народным драгоценным миром и выливает его на голову Иисуса. Иуда, как главный финансист группы, мгновенно оценивает рыночную стоимость жидкости. Как повествует нам Евангелие от Марка в четырнадцатой главе, в пятом стихе, возмущенные ученики, ведомые логикой Иуды, говорят, что можно было бы продать это миро более нежели за триста динариев и раздать нищим.¹⁶

В первом веке триста динариев — это годовой заработок чернорабочего за триста дней непрерывного изнурительного труда. Вполне естественно, что казначей подпольного движения, отвечающий за логистику, пропитание двенадцати взрослых мужчин и регулярную раздачу милостыни, которая обеспечивала им лояльность местной бедноты, приходит в ярость от такого бессмысленного уничтожения ценных активов. Это профессиональная реакция не вора, а прагматичного, жесткого администратора, контролирующего бюджет.

В условиях римской оккупации, где бродячие радикальные проповедники полностью зависели от спонсорской поддержки сочувствующих, должность казначея требовала абсолютного доверия и кристальной честности. Доверить все финансы повстанческой группы самому ненадежному, жадному человеку — это шаг, противоречащий любому инстинкту самосохранения. Иисус, будучи гениальным стратегом и знатоком человеческих душ, никогда бы не совершил столь фатальной ошибки. Иуда был самым надежным человеком в аппарате Мессии. Теперь давайте посмотрим на знаменитую цену предательства, зафиксированную в Евангелии от Матфея, в двадцать шестой главе, в четырнадцатом и пятнадцатом стихах. Там написано, что тогда один из двенадцати, называемый Иуда Искариот, пошел к первосвященникам и сказал: что вы дадите мне, и я вам предаю Его? Они предложили ему тридцать сребреников. Почему именно тридцать? В исторической реальности Иудеи первого века это ничтожная, смехотворная сумма для политического убийства лидера национального масштаба.

Это цена старой рыбацкой лодки или пары больных ослов. Казначей, через руки которого проходят регулярные пожертвования от богатых сочувствующих женщин, среди которых в Евангелии от Луки в восьмой главе упоминаются Иоанна, жена Хузы, домоправителя Иродова, Сусанна и многие другие, служившие им из своих имений, физически не мог пойти на государственную измену ради суммы, эквивалентной стоимости одного раба. Если бы Иуда действительно хотел продать своего командира и заработать, он, как опытный переговорщик, мог бы требовать баснословное состояние, поместья и железные гарантии безопасности. Версия о жадности — это теологический конструкт, созданный задним числом.

Цифра тридцать появляется у Матфея исключительно для того, чтобы подогнать реальные исторические события под древние тексты Ветхого Завета. В книге Исход, в двадцать первой главе, в тридцать втором стихе, тридцать шекелей — это установленная юридическая компенсация хозяину за случайно убитого чужим волом раба. Кроме того, евангелист отчаянно пытался создать параллель с пророчеством Захарии, из одиннадцатой главы, где пророку отве-

¹⁶ Новый Завет (критическое издание NA28). Ин 12:4–6; 13:29.

шивают ровно тридцать сребреников в качестве оскорбительной платы за его труд, которые он затем по велению Господа бросает в дом Господень для горшечника.¹⁷

Более того, Матфей в двадцать седьмой главе, в девятом стихе, совершает грубейшую ошибку, заявляя, что тогда исполнилось реченное через пророка Иеремию, сказавшего: и взяли тридцать сребреников, цену Оцененного, Которого оценили сыны Израиля. Но в книге Иеремии такого пророчества нет, оно находится у Захарии. Эта путаница с именами пророков наглядно доказывает, насколько искусственно и натужно евангелисты пытались притянуть ветхозаветные цитаты к реальной истории, полностью искажая истинные мотивы Иуды. Тридцать сребреников — это не реальный гонорар киллера, это богословская метафора, призванная показать, насколько дешево мир оценил жизнь Спасителя. Мотив реального Иуды лежал совершенно в другой — дисциплинарной и военной плоскости.

¹⁷ Септуагинта (Ветхий Завет). Исх 21:32; Зах 11:12–13; Новый Завет (критическое издание NA28). Мф 26:14–16; 27:3–10.

Трудности античного перевода: Пароль *παραδίδομι* (парадидоми)

Истинная природа действий Иуды раскрывается, если мы сбросим фильтры поздних переводов и обратимся к древнегреческому оригиналу Нового Завета. Глагол, который русские, английские и латинские переводчики упрямо и эмоционально переводят как предавать, пишется по-гречески *παραδίδομι* (парадидоми). Само по себе это слово не содержит обязательной моральной оценки. В античной литературе, римской юриспруденции, у историка Иосифа Флавия и в военных трактатах оно обозначало передачу человека или предмета в чужие руки; отрицательный смысл «предать» возникал из ситуации, а не из одного лишь глагола. Оно могло переводиться как передавать из рук в руки, выдавать по закону, доставлять, поручать или передавать официальные полномочия. Примечательно, что этот же глагол *παραδίδομι* (парадидоми) используется в Новом Завете в ситуациях, не имеющих никакого отношения к предательству. Например, когда Иисус на кресте в Евангелии от Иоанна, в девятнадцатой главе, в тридцатом стихе, преклонив главу, предал дух, в оригинале стоит именно форма *παρέδωκεν* (парэдокэн).¹⁸

Когда апостол Павел в Первом послании к Коринфянам, в пятнадцатой главе, пишет о том, что Христос предаст Царство Богу и Отцу, используется та же самая глагольная форма. Иуда не совершал акта подлого предательства. Иуда выполнял приказ. Он осуществлял контролируемую передачу своего командира в руки властей.

Весь грандиозный план Иисуса строился на строжайшей, поминутной синхронизации его собственной смерти с моментом заклания сотен тысяч пасхальных агнцев в Иерусалимском Храме. Чтобы Яхве принял его кровь как ультимативный выкуп за нацию, Иисус должен был оказаться на римском кресте строго в пятницу, четырнадцатого нисана, до наступления сумерек. Время было его главным врагом и главным инструментом. Однако после инцидента в Храме ситуация грозила выйти из-под контроля. Синедрион принял решение устранить опасного мятежника. Но посмотрите на важнейшую фразу, которую синхронно фиксируют Марк в четырнадцатой главе и Матфей в двадцать шестой главе, где сказано, что совещались первосвященники и книжники и старейшины народа во дворе первосвященника, называемого Каиафою, как бы взять Иисуса хитростью и убить, но говорили: только не в праздник, чтобы не произошло возмущения в народе. Храмовая элита, панически опасаясь масштабного вооруженного бунта сотен тысяч агрессивно настроенных паломников, решила отложить арест до окончания праздничных дней Песаха, когда толпы разойдутся по своим домам.

Для Иисуса это кулуарное решение Синедриона означало абсолютный крах всей операции. Если бы его арестовали и казнили после праздника, в обычный будний день, весь теологический символизм нового Исхода был бы полностью разрушен. Небеса бы не приняли не вовремя принесенную жертву. Ему было жизненно, критически необходимо спровоцировать свой собственный арест немедленно, в ночь с четверга на пятницу. Ему нужен был верный инсайдер, доверенный офицер, способный пойти на прямые переговоры к первосвященникам и организовать тайный, ночной арест в безлюдном месте за стенами города, скорректировав планы Синедриона под нужды Мессии.

¹⁸ Новый Завет (критическое издание NA28). Мк 14:10–11, 18–21, 41–44.

Тайная Вечеря: Командир отдает приказ

Именно для этой тяжелейшей, самоубийственной миссии Иисус выбирает самого хладнокровного члена своей команды. На Тайной Вечере Иисус дает Иуде зеленый свет перед всеми, хотя никто из непосвященных не понимает глубинного смысла происходящего. В Евангелии от Иоанна, в тринадцатой главе, с двадцать шестого по тридцатый стих, описана сцена, которая, если снять с нее налет мистики, лишает Иуду всякой свободы воли. Там сказано, что Иисус отвечал: тот, кому Я, обмакнув кусок хлеба, подам. И, обмакнув кусок, подал Иуде Симону Искароту. И после сего куска вошел в него сатана. Тогда Иисус сказал ему: что делаешь, делай скорее. Поздняя теология вписала сюда фигуру сатаны, чтобы как-то объяснить внезапное злодеяние апостола. Но посмотрите на слова Иисуса: "Ὁ ποιεῖς ποιεῖσθαι τάχιστα (хо пойэйс, пойэсон тахион) — «что делаешь, делай скорее». В греческом оригинале это звучит как повелительный приказ, требование ускорить действия. Это не мольба скорбящей жертвы, это сухой, жесткий оперативный приказ командира. Операция переходит в активную фазу. Часы тикают, рассвет пятницы приближается с каждым часом.¹⁹

¹⁹ Новый Завет (критическое издание NA28). Ин 13:21–30.

Гефсиманская тьма и поцелуй смерти

Самое поразительное в этой сцене — это реакция остальных апостолов, зафиксированная тем же Иоанном в тринадцатой главе. Там прямо сказано, что ни кто из возлежавших не понял, к чему Он это сказал ему. А как у Иуды был ящик, то некоторые думали, что Иисус говорит ему: купи, что нам нужно к празднику, или чтобы дал что-нибудь нищим. Задумайтесь над этим текстом. Если Иисус только что публично, открытым текстом обличил подлого предателя, который прямо сейчас идет сдавать их всех на смерть римским палачам, почему вооруженные и горячие галилейские рыбаки, среди которых был Петр, носивший с собой короткий меч и готовый пустить его в ход, спокойно позволили Иуде повернуться спиной и выйти за дверь в ночную тьму?

Ответ очевиден для любого непредвзятого исследователя: потому что интонация Иисуса была абсолютно спокойной и рабочей. Иисус отдал казначею стандартное, рутинное распоряжение по снабжению общины. Никто из апостолов не бросился его задерживать, потому что Иуда всегда выполнял оперативные приказы лидера. Никто из них не знал, что Иуда отправляется во дворец первосвященника, чтобы скоординировать действия стражи и запустить часовой механизм провокации. Иуда, приняв кусок хлеба, немедленно вышел, а евангелист Иоанн добавляет лаконичную, зловещую фразу: а была ночь. Спустя несколько часов план переходит в решающую стадию. Иуда возвращается в Гефсиманский сад. Он приводит к подножию Елеонской горы не просто пару охранников первосвященника, а серьезный силовой контингент. Евангелист Иоанн в восемнадцатой главе, в третьем стихе, упоминает, что Иуда, взяв отряд воинов и служителей от первосвященников и фарисеев, приходит туда с фонарями и факелами и оружием.

В греческом тексте для обозначения отряда воинов используется слово *отейра* (спейра), технический термин, означающий римскую когарту, насчитывающую в военное время до шестисот человек тяжелой пехоты. Возглавлял этот отряд трибун. Каиафа задействовал максимальные ресурсы, опасаясь сопротивления. Евангелие от Марка, в четырнадцатой главе, подробно описывает самую знаменитую сцену ночного ареста. Там сказано, что предающий Его дал им знак, сказав: Кого я поцелую, Тот и есть, возьмите Его и ведите осторожно. И, придя, тотчас подошел к Нему и говорит: Равви! Равви! и поцеловал Его. Для современного человека, воспитанного на викторианской литературе и театральных постановках, этот жест кажется вершиной изощренного, садистского лицемерия.²⁰ Но в контексте первого века и специфики ночной военной операции это был единственный надежный, заранее оговоренный тактический пароль. Гефсиманский сад не освещался электрическими прожекторами. Лунный свет слабо пробивался сквозь густые кроны старых оливковых деревьев. В кромешной тьме, среди полусонных, паникующих мужчин, закутанных в одинаковые грубые крестьянские плащи с капюшонами, стражникам было элементарно ошибиться в опознании цели. Иисус не имел никаких внешних знаков отличия, он не носил особой одежды. Если бы в суматохе ночного задержания стража схватила Петра, Иоанна или Иакова, весь план Иисуса был бы мгновенно сорван. Настоящий Мессия остался бы на свободе, а время праздника ушло бы безвозвратно. Поцелуй, бывший традиционным, уважительным приветствием ученика и раввина на Ближнем Востоке, был самым безошибочным способом указать страже на нужного человека в темноте и передать его властям без лишнего шума и массового кровопролития. Иуда строго выполнил приказ ведите осторожно, что в оригинале означает надежно, чтобы объект не скрылся в ущелье. Связой доставил пасхальную жертву на алтарь точно в назначенный час.

²⁰ Новый Завет (критическое издание NA28). Ин 18:3, 12.

Олигархи в тени: Иосиф Аримафейский и Никодим

Но Иуда был лишь исполнителем нижнего, тактического звена. Для того чтобы проверить операцию такого масштаба, заставить первосвященника экстренно собрать ночной суд и вынудить римского префекта рассматривать уголовное дело на рассвете, Иисусу требовалась поддержка совершенно иного политического и финансового калибра. Требовалась колоссальная агентурная сеть, безопасные конспиративные квартиры в переполненной столице и влияние в высших эшелонах власти. Здесь мы подходим к роли теневых спонсоров переворота, к фигурам Иосифа Аримафейского и Никодима.

Христианская традиция маргинализирует этих могущественных людей, называя их тайными учениками, которые из животного страха перед иудеями скрывали свою веру, но после распятия внезапно обрели невероятную смелость и пошли к самому Пилату. Эта наивная версия абсолютно не соответствует жестким реалиям римской провинциальной политики. Иосиф и Никодим не были робкими слушателями. Они были высшей национальной аристократией, членами правящего Синедриона, мультимиллионерами, в чьих руках были сосредоточены рычаги управления экономикой нации. И они играли в собственную, невероятно рискованную политическую игру.²¹

Нам необходимо помнить, что Синедрион, верховный совет из семидесяти одного человека, бывший высшим органом судебной и исполнительной власти, был змеиным клубком, раздираемым жесточайшей фракционной борьбой между саддукеями, коллаборационистами, держащими Храм, и фарисеями, националистами, которых поддерживал простой народ. Иосиф и Никодим принадлежали к элитной патриотической группе фарисеев, обладавшей огромными капиталами, но отстраненной от реальной административной власти партией первосвященника Каиафы. В Евангелии от Марка, в пятнадцатой главе, в сорок третьем стихе, Иосиф описан предельно четко: пришел Иосиф из Аримафеи, знаменитый член совета, который и сам ожидал Царствия Божия, осмелился войти к Пилату, и просил Тела Иисусова. Слово знаменитый в греческом оригинале звучит как εὐσχημων (эусхэмон), что означает знатный, благородный, сказочно богатый человек высшего сословия. Тот факт, что он имел право личного, беспрепятственного доступа в преторий к кровожадному римскому префекту без предварительного согласования, говорит о его колоссальном политическом весе.

Согласно древним историческим хроникам, Иосиф сколотил состояние на контроле за поставками металлов, в частности олова. Он был человеком уровня транснационального олигарха. А фраза ожидал Царствия Божия в политическом лексиконе того времени означала вполне земные вещи: он был правоверным патриотом, спонсирующим подпольные движения, нацеленные на свержение римского протектората.

Его ближайший соратник Никодим, один из ведущих интеллектуалов и законоучителей нации, еще в самом начале общественной деятельности Иисуса тайно приходил к нему под покровом ночи для проведения конфиденциальных переговоров. В Евангелии от Иоанна, в третьей главе, подробно описан этот визит. Там сказано, что между фарисеями был некто, именем Никодим, один из начальников Иудейских. Он пришел к Иисусу ночью. Традиционно этот текст трактуется церковью как мистический, оторванный от реальности разговор о духовном перерождении. Однако в контексте оккупированной страны эти метафоры имели совершенно иной, практический смысл. Концепция рождения свыше — это язык национального и религиозного возрождения, пробуждения еврейского народа от летаргического сна коллаборационизма. Никодим, представляя интересы националистической элиты Синедриона, лично прощупывал молодого радикального пророка из Галилеи, оценивая его харизматиче-

²¹ Новый Завет (критическое издание NA28). Мк 15:42–47; Ин 19:38–42.

ский потенциал, способность вести за собой огромные массы бедноты и готовность стать тараном против существующей власти саддукеев.²²

Позже, в седьмой главе Евангелия от Иоанна, с пятидесятого стиха, мы видим, как Никодим открыто защищает Иисуса на заседании Синедриона, заявляя первосвященникам: судит ли закон наш человека, если прежде не выслушают его и не узнают, что он делает? Это свидетельствует о том, что у Иисуса внутри высшего органа власти была мощная и скоординированная группа поддержки.

Для этих искушенных олигархов появление харизматичного Иисуса стало настоящим подарком судьбы. Они увидели в нем идеальный инструмент для большой геополитической игры. Народный вождь, способный собирать многотысячные толпы и публично критикующий коррупцию первосвященников, был лучшим тараном для дестабилизации проримской партии Каиафы. Альянс между апокалиптическим пророком Иисусом и прагматичными олигархами был классическим браком по расчету. Иисусу были жизненно необходимы их колоссальные финансовые ресурсы, логистические сети в столице, своевременная агентурная информация о планах первосвященников и защита от преждевременного тайного убийства в галилейской глуши. Элите же был необходим непререкаемый авторитет Иисуса в народе, его готовность стать той самой искрой, которая взорвет пороховой склад римской провинции. Каждая из сторон пыталась использовать другую в своих интересах.

Именно эти люди стали главными архитекторами сложнейшей логистики последних дней Иисуса в Иерусалиме. Галилейский плотник и нищие рыбаки физически и финансово не могли позволить себе арендовать огромную, роскошную, устланную дорогими коврами горницу в самом престижном верхнем районе Иерусалима для проведения пасхальной трапезы. В дни Песаха цены на недвижимость в переполненном городе взлетали до небес. Посмотрите, как Иисус инструктирует своих учеников в Евангелии от Марка, в четырнадцатой главе. Он посылает двух из учеников Своих и говорит им: пойдите в город; и встретится вам человек, несущий кувшин воды; последуйте за ним, и куда он войдет, скажите хозяину дома того: Учитель говорит: где комната, в которой бы Мне есть пасху с учениками Моими? И он покажет вам горницу большую, устланную, готовую: там приготовьте нам. Мужчина, несущий кувшин воды, — это классический агентурный знак, визуальный маркер в древности, поскольку носить воду было исключительно женской обязанностью.

Эту конспиративную квартиру, полностью готовую, обеспеченную продуктами и абсолютно безопасную от храмовых ищек, предоставили элитные спонсоры переворота. Точно так же, с поразительной агентурной точностью, был организован триумфальный въезд в Иерусалим на молодом осле, описанный в одиннадцатой главе Марка. Молодой осел уже ждал Иисуса привязанным у ворот на распутье. Ученикам было велено сказать хозяину животного лишь один короткий отзыв на пароль: он надобен Господу, и ценное животное было немедленно отдано без лишних вопросов. Такая безупречная координация в условиях жесткого римского полицейского контроля свидетельствует о работе серьезной, глубоко законспирированной организации, полностью оплаченной из карманов высшей аристократии Синедриона.²³

²² Новый Завет (критическое издание NA28). Мк 15:43; Мф 27:57; Лк 23:50–51; Ин 19:38.

²³ «Мишна и Тосефта», перевод Н. А. Переферковича. Санхедрин 4:1; 5:1.

Ночной суд: Попрание основ права

Когда Иисус устроил запланированный погром в Храме, он нанес прямой экономический удар по бизнес-империи саддукеев и лично семье Каиафы. Это была точка невозврата. Власть коллаборационистов была публично унижена на глазах у миллионов паломников. Иосиф и Никодим рассчитывали, что последующий арест Иисуса спровоцирует народный бунт, который сметет власть первосвященника Каиафы. Но план Иисуса предусматривал совершенно иной финал — крест и божественное вмешательство. Когда Иуда привел стражу в Гефсиманию, механизм был запущен. Суд у первосвященника Каиафы, состоявшийся той же ночью, был вопиющим, беспрецедентным нарушением всех процессуальных норм иудейского права, зафиксированных в последующей Мишне. Синедрион не имел законного права собираться ночью. Суд по делам, караемым смертной казнью, категорически не мог проходить в канун субботы или праздника Песах. Смертный приговор не мог быть вынесен в тот же день — судьи были обязаны по закону разойтись по домам, поститься, обдумывать решение всю ночь и голосовать только на следующий день.²⁴

Суд проходил не в официальной палате Храма, а на частной территории — во дворце первосвященника. Каиафа растоптал все законы своего народа, потому что находился в состоянии панического страха. Ему нужно было юридически оформить политическое дело до восхода солнца, пока многотысячная толпа паломников не проснулась и не узнала об аресте своего кумира. В Евангелии от Матфея, в двадцать шестой главе, в шестьдесят пятом стихе, Каиафа в акте высшего театрального драматизма раздирает свои одежды и кричит: Он богохульствует! какая еще нужда в свидетелях? вот, теперь вы слышали богохульство Его! как вам кажется? Они же сказали в ответ: повинен смерти.

²⁴ Х. Бонд. «Понтий Пилат в истории и интерпретации». С. 24–29, 49–55, 194–202.

Гаввафа: Столкновение трех планов

Ранним пятничным утром, когда солнце только показалось из-за Елеонской горы, связанного, избитого храмовой стражей Иисуса привели к преторию Понтия Пилата. И вот здесь, на каменном помосте Гаввафы, в смертельном клинче столкнулись три абсолютно несовместимых плана. План первосвященника Каиафы заключался в том, чтобы быстро, без лишних разбирательств утвердить у римлян смертный приговор по политической статье за призывы к мятежу и сепаратизм, поскольку Иисус называл себя Царем Иудейским. Ему нужно было распылить опасного провокатора до начала массовых праздничных гуляний, доказать свою абсолютную лояльность Риму и удержать власть саддукеев. План теневых спонсоров в лице Иосифа и Никодима состоял в том, чтобы использовать публичный суд как катализатор народного гнева. Они надеялись, что толпа, узнав об аресте Иисуса, поднимет вооруженный бунт и пойдет на штурм претория. Эта спровоцированная бойня должна была привести к немедленной отставке Каиафы римлянами за неспособность контролировать ситуацию в провинции, после чего патристическая элита взяла бы власть в свои руки.

И, наконец, ультимативный план самого Иисуса: пройти через бичевание и несправедливый суд, принять на себя статус абсолютной, безгрешной пасхальной жертвы и быть вознесенным на римский крест, чтобы своей пролитой кровью загнать Бога в угол, заставить Небеса разорвать договор с Римом, прислать ангельские легионы и обрушить апокалиптический гнев на язычников-оккупантов.²⁵

Понтий Пилат, уставший от ближневосточных интриг римский бюрократ, оказался в самом центре этого политического водоворота. В Евангелии от Иоанна, в восемнадцатой главе, подробно описан его допрос Иисуса внутри претория. Пилат спрашивает его: Ты Царь Иудейский? Иисус отвечал ему: от себя ли ты говоришь это, или другие сказали тебе о Мне? Пилат отвечал: разве я Иудей? Твой народ и первосвященники предали Тебя мне; что Ты сделал? Иисус отвечал: Царство Мое не от мира сего; если бы от мира сего было Царство Мое, то служители Мои подвизались бы за Меня, чтобы Я не был предан Иудеям; но ныне Царство Мое не отсюда. Позднейшая христианская традиция полностью извратила смысл этого текста, превратив слова Иисуса в проповедь о бестелесном небесном рае.

Но в греческом оригинале фраза «Царство Мое не от мира сего» звучит так: ἡ βασιλεία ἡ ἐμὴ οὐκ ἔστιν ἐκ τοῦ κόσμου τούτου (хэ базилеиа хэ эмэ ук эстин эк ту косму туту). Предлог ἐκ (эк) означает происхождение, источник, а не местонахождение. Иисус говорит Пилату, что источник его царской власти — небесный, божественный, а не легитимированный римским сенатом. Это было не отречение от земной власти, это было заявление о суверенных правах на престол, полученных напрямую от Бога. Для римского префекта это было прямым, юридически оформленным признанием в государственном мятеже против власти императора Тиберия.

По римскому закону Юлия преступление против величия каралось исключительно распятием на кресте.²⁶

Попытки Пилата освободить Иисуса, детально расписанные в евангелиях, включая знаменитое умывание рук перед толпой и диалоги о природе истины, — это явная позднейшая теологическая редакция. Она была призвана снять политическую вину с римских властей и переложить ее исключительно на иудеев, чтобы новой христианской религии было легче интегрироваться в языческую Римскую империю. Реальный исторический Пилат, безжалостно казнивший тысячи людей по малейшему подозрению в сепаратизме, не стал бы колебаться из-за одного провинциального проповедника. Когда толпа, умело подогретая агентами перво-

²⁵ Новый Завет (критическое издание NA28). Мк 15:6–15; Мф 27:15–26; Лк 23:17–25; Ин 18:39–40.

²⁶ Новый Завет (критическое издание NA28). Мф 27:3–10; Деян 1:16–20.

священников, начала кричать, требуя отпустить им революционера Варавву, Пилат принял прагматичное административное решение. Как повествует Евангелие от Марка в пятнадцатой главе, в одиннадцатом стихе, первосвященники возбудили народ просить, чтобы отпустил им более Варавву. Пилат, желая сделать угодное народу, отпустил им Варавву, а Иисуса, бив, предал на распятие. Смерть одного галилеянина ради сохранения порядка в провинции во время взрывоопасного Песаха — это была стандартная, ничтожная цена для Pax Romana (пакс романа).

Иисуса отдали римским ликторам для бичевания, а затем отправили на Голгофу. Механизм, состоящий из большой имперской политики, тайных олигархических денег, оперативной работы Иуды и абсолютной, фанатичной веры самого Мессии, сработал идеально. Он доставил пасхальную жертву прямо на крест. Но Иуда Искарот, стоявший в стороне на улицах Иерусалима, понял то, чего еще не осознали остальные участники заговора. В Евангелии от Матфея, в двадцать седьмой главе, с третьего по пятый стих, зафиксирован момент его страшного психологического надлома. Там сказано, что тогда Иуда, предавший Его, увидев, что Он осужден, и, раскаявшись, возвратил тридцать сребреников первосвященникам и старейшинам, говоря: согрешил я, предав кровь невинную. Они же сказали ему: что нам до того? смотри сам. И, бросив сребреники в храм, он вышел, пошел и удавился.

Крушение: Трагедия исполнителя

Вчитайтесь в эти страшные, ключевые слова: увидев, что Он осужден. Иуда знал оперативную часть приказа: привести стражу и передать командира властям. Но предельную теологическую логику замысла он понимал иначе. Иисус был готов довести жертву до настоящей смерти, потому что только кровь праведника, полностью отданная в момент Песаха, должна была заставить Яхве вмешаться. Иуда же верил, что достаточно официального приговора и начала казни, после которых Небеса обрушат удар раньше, чем крест станет необратимой могилой. Поэтому его крушение произошло уже в пятницу утром. Увидев, что Бог молчит, что Иисус превращен римскими бичами в кровавое месиво и отправлен под конвоем на верную мучительную смерть, казначей решил, что точка невозврата пройдена. Своими руками, скрупулезно выполняя приказ любимого командира, он привел в движение механизм, который теперь уже не мог остановить. Иуда повесился не как алчный предатель, а как преданный офицер, который раньше остальных поверил, что главнокомандующий совершил фатальную ошибку в стратегических расчетах.

В это же самое время на вершине Голгофы Иисус издавал свой предсмертный крик абсолютного отчаяния, фиксируя молчание Бога. Иосиф Аримафейский и Никодим уже понимали, что народное восстание сорвалось, а римские легионы полностью контролируют ситуацию. Но в эти минуты они не считали Иисуса безвозвратно мертвым и не придумывали теологическую подмену. Они запускали резервный сценарий, заранее подготовленный без ведома самого Иисуса. Его цель была предельно конкретной: до необратимой биологической смерти получить разрешение Пилата, снять Иисуса с креста, перенести в закрытую гробницу и попытаться вернуть его к жизни. Для римлян он должен был выглядеть мертвым, для покровителей — оставаться человеком, которого еще можно спасти. Теологическое превращение этого спасения в воскресение возникнет позднее из тайны пустой гробницы, незнания учеников и последующей интерпретации Павла. Под покровом наступающих сумерек великой субботы начиналась беспрецедентная спецоперация «Гробница».

Глава 3. Распятие и историческая физиология

Историческая реальность пятницы

История, которую на протяжении почти двух тысячелетий безапелляционно транслирует официальная церковь, приучила нас воспринимать сцену на Голгофе как некий застывший, отполированный до неземного блеска античный барельеф. На грандиозных полотнах художников эпохи Возрождения распятие выглядит почти торжественно: анатомически безупречное тело, легкий, полный покорности наклон головы, умиротворенное лицо мученика, чья смерть предрешена свыше, и скорбящие, но полные надежды ангелы на заднем плане. Эта стерильная, лишенная грязи, пота, крови, первобытных криков и роящегося над открытыми ранами мушиного роя картина была жизненно необходима победившей имперской христианской церкви. Ей требовалось во что бы то ни стало превратить позорную, мучительную, типичную для бунтарей политическую казнь в величайший символ духовной победы над силами зла.

Но если мы действительно хотим докопаться до исторической истины, нам придется отвести взгляд от сияющих витражей европейских соборов, забыть успокаивающее пение церковных хоров и вооружиться жесткими, бескомпромиссными инструментами беспристрастной науки. Нам потребуются скальпель современной судебно-медицинской экспертизы, лопата библейского археолога и, самое главное, увеличительное стекло филолога-текстолога. Потому что подлинная истина о том, что в реальности произошло в ту весеннюю пятницу за известняковыми стенами Иерусалима, до сих пор надежно скрыта в мельчайших, порой состоящих всего из одной единственной буквы, разночтениях самых древних библейских манускриптов.

Чтобы деконструировать этот фундаментальный миф, мы обязаны обратиться не к поздним, литературно приглаженным и теологически выверенным Синодальным или западным переводам, а к самым ранним из дошедших до нас греческих списков Нового Завета. Когда мы берем знаменитый Синайский кодекс и не менее важный Ватиканский кодекс, датируемые четвертым веком нашей эры, кладем их рядом на стол исследователя и начинаем побуквенно, скрупулезно сравнивать их с более поздним Александрийским кодексом и тем византийским типом текста, который в итоге лег в основу современных печатных Библий, перед нами открывается потрясающая воображение картина. Это картина масштабной, методичной, растянутой на столетия церковной цензуры. Священные тексты переписывались, редактировались, сокращались и дополнялись целыми поколениями безвестных писцов в монастырских скрипториях, чтобы навсегда скрыть одну катастрофически неудобную правду: на римском кресте распинали не всемогущего, знающего будущее Бога, а потерпевшего сокрушительное военно-политическое поражение смертного человека.²⁷

Наиболее ярко и болезненно эта разница видна, если мы посмотрим на Евангелие от Марка. Специалисты по сравнительной филологии и библеистике абсолютно единодушны в том, что именно текст Марка — это самый древний, грубый, написанный на простом, нелитературном греческом языке κοινή (койнэ) и наименее теологически отшлифованный слой всей евангельской традиции. В нем Иисус предельно, обнаженно человечен. Он испытывает гнев, он удивляется неверию толпы, он впадает в глубочайшее экзистенциальное отчаяние, он испытывает животный страх в Гефсиманском саду. Однако, когда мы переходим к тексту Евангелия от Луки, написанному на десятилетия позже специально для просвещенной, образованной греко-римской аудитории, и особенно к тексту Евангелия от Иоанна, созданному уже в самом

²⁷ Б. Мецгер, Б. Эрман. «Текстология Нового Завета». С. 52–56, 62–68, 79–83.

конце первого века, мы видим, как образ галилейского Мессии кардинально, до неузнаваемости меняется. У Иоанна Иисус на кресте — это уже всевластный повелитель вселенной. Он не страдает, он царствует на кресте. Он контролирует каждую миллисекунду своей казни, он заботится о своей матери, произносит философские максимы и умирает ровно в тот момент, когда сам этого захочет, величественно заявляя: свершилось.²⁸

²⁸ Новый Завет (критическое издание NA28). Мк 1:1–13; Мф 3:1–17; Лк 3:1–22.

Осознание абсолютного провала и крик оставленности

Но мы обязаны отбросить эти поздние теологические наслоения и вернуться к суровой, неприглядной реальности самого раннего текста Марка. Кульминационный момент распятия, когда грандиозный план Иисуса по провоцированию божественного вмешательства окончательно и бесповоротно рушится, зафиксирован в Евангелии от Марка, в пятнадцатой главе, в тридцать четвертом стихе. Вися на кресте, измученный гиповолемическим шоком от потери крови, Иисус издает страшный, животный крик абсолютного экзистенциального и политического краха. Самые древние манускрипты, Синайский и Ватиканский кодексы, бережно сохранили для нас эти слова в их первозданной, грубой, непереуслышанной транслитерации. В греческом тексте Марка эта арамейская фраза передана так: Ἐλὼὶ ἔλὼὶ λὲμὰ σαβαχθάνι (элби, элби, лэма савахтани). В рукописях встречаются небольшие различия в написании, но сама смешанная арамейско-еврейская форма сохраняется. И это не благочестивое, смиренное чтение двадцать первого псалма царя Давида в воспитательных целях для стоящих у креста свидетелей, как веками пытались убедить свою паству христианские богословы.

Человек, умирающий от механической асфиксии, физически не имеет дыхания для выразительного чтения длинных храмовых текстов. Это был первобытный вопль растоптанного человека: Боже Мой, Боже Мой, для чего Ты Меня оставил? Греческий глагол ἐγκατέλιπες (энкатэлипэс), использованный в переводе этих слов, означает полное, безоговорочное оставление, бросание на произвол судьбы.²⁹

Этот крик оставленности был настолько скандальным, настолько разрушительным для зарождающейся христианской догматики о добровольной, заранее спланированной жертве Сына Божьего, что поздние евангелисты и редакторы отчаянно, всеми силами пытались с ним бороться. Евангелист Лука, конструируя свою версию событий для имперской римской аудитории, попросту вымарывает этот неудобный тридцать четвертый стих целиком. У Луки в двадцать третьей главе Иисус больше не кричит от богооставленности и отчаяния. Вместо этого он абсолютно спокойно, умиротворенно и смиренно произносит: Отче, в руки Твои предаю дух Мой. Происходит полная, тотальная текстологическая замена политической и личной катастрофы на возвышенный духовный триумф.

Более того, именно у Луки в этой же двадцать третьей главе появляется знаменитая, известная всему миру фраза Иисуса, обращенная к распинающим его римским солдатам: Отче, прости им, ибо не ведают, что творят. Эта фраза на два тысячелетия стала непоколебимым краеугольным камнем всей христианской этики безграничного всепрощения и любви к врагам. Однако рукописная история этих слов значительно сложнее, чем простая схема поздней вставки. Фразы нет в папирусе P75 и Ватиканском кодексе, она отсутствует также в части других ранних свидетелей. Но в Александрийском кодексе V века и других древних рукописях она уже присутствует, поэтому объявлять ее средневековой византийской вставкой невозможно. Здесь нельзя говорить ни о бесспорно подлинных словах Иисуса, ни о поздней церковной подделке. Перед нами один из самых ранних и принципиальных разломов текста Луки: уже первые поколения переписчиков передавали рассказ в двух версиях: с молитвой о прощении распинающих и без нее.³⁰

Оригинальный, исторический Иисус, лидер радикального антиримского сопротивления, не прощал римских легионеров, с хрустом прибавивших его плоть к дереву. В рамках его картины мира он ждал, что Небеса вот-вот разверзнутся, обрушат на этих язычников уничтожающий огонь и сотрут их в порошок. И лишь когда этого не произошло, когда восстание провали-

²⁹ Новый Завет (критическое издание NA28). Мк 15:34; Мф 27:46; Лк 23:46; Ин 19:30.

³⁰ Новый Завет (критическое издание NA28). Лк 23:34, аппарат.

лось, поздняя церковь искусственно вложила в его уста слова о прощении. Это был гениальный политический ход: чтобы сделать новую религию безопасной, понятной и юридически приемлемой для самой Римской империи, нужно было показать, что основатель этой религии был лоялен к римлянам и даже молился за своих римских палачей.

Но чтобы в полной мере осознать, почему грандиозный план нового Исхода захлебнулся на Голгофе, мы должны оставить на время древние тексты и обратиться к неумолимой человеческой физиологии и судебной медицине. Римское распятие, на латыни крuciфициум, не было просто одним из множества способов лишения человека жизни. Это был доведенный до леденящего кровь совершенства инженерный шедевр государственного террора. Его главная цель заключалась отнюдь не в быстрой смерти политического преступника. Напротив, смерть пытались максимально оттянуть. Целью было причинение максимальной, невыносимой, сводящей с ума боли и абсолютно публичное, растянутое на несколько суток унижение, которое должно было служить наглядным уроком для всех жителей оккупированных провинций.

Археология распятия (оссуарий Иехоханана бен Хагакола)

Вплоть до тысяча девятьсот шестьдесят восьмого года у историков и археологов не было ни одного материального, физического доказательства распятия в древнем мире. Железные гвозди были огромной редкостью, стоили дорого, и римские солдаты обычно вытаскивали их из тел казненных для повторного использования. Это отсутствие улик давало теологам повод свободно фантазировать на тему того, как именно происходила казнь. Но во время строительных работ в северном пригороде современного Иерусалима, в районе Гиват ха-Мивтар, археологи случайно обнаружили древнюю вырубленную в скале гробницу. Внутри находился каменный оссуарий — ящик для хранения костей. На оссуарии было вырезано имя: Иехоханан бен Хагакол. Внутри лежали кости молодого мужчины двадцати с небольшим лет, казненного в первом веке нашей эры, то есть прямого современника Иисуса из Назарета.³¹

³¹ В. Цаферис. «Иудейские гробницы в Гиват-ха-Мивтаре». С. 18–32.

Виды распятия: ноги прибивали не всегда

Эта археологическая находка произвела эффект разорвавшейся бомбы в мировом научном сообществе и навсегда изменила наше понимание евангельских событий. Правая пяточная кость Иехоханана была насквозь пробита тяжелым, квадратным в сечении, ржавым железным гвоздем длиной одиннадцать с половиной сантиметров. Гвоздь загнулся, наткнувшись на сучок в деревянном столбе, и палачи не смогли его вытащить, поэтому мертвого юношу похоронили прямо с куском дерева. На острие гвоздя сохранились микроскопические фрагменты оливкового дерева, из которого был сделан вертикальный столб креста. А между шляпкой гвоздя и костью ноги находилась небольшая защитная дощечка из оливкового дерева, которая не давала быющейся в агонии ноге соскользнуть со шляпки гвоздя. Эта единственная в своем роде археологическая улика раз и навсегда разрушила привычную церковную иконографию. Ренессансные художники и византийские иконописцы из эстетических соображений изображали ступни Иисуса аккуратно сложенными одна на другую на специальной подставочке и элегантно пробитыми одним длинным гвоздем спереди, сквозь плюсну.³²

Но пробитая кость Иехоханана доказала, что римляне могли распинать совершенно иначе, гораздо более жестоко и прагматично. Единого обязательного способа крепления ног не существовало: положение тела и количество гвоздей могли различаться. В случае Иехоханана ноги жертвы разводили в стороны, охватывая ими грубый вертикальный столб креста, и вбивали железный костыль сбоку, прямо сквозь пяточную кость, пяточный бугор. Гвоздь с тошнотворным хрустом проходил через одну из самых плотных костей человеческого тела, безжалостно разрывая окружающие ткани и, что самое страшное, полностью уничтожая структуру ахиллова сухожилия.

³² Н. Хаас. «Антропологические наблюдения над останками из Гиват-ха-Мивтара». С. 38–41, 56–59; Дж. Зиас, Э. Секелес. «Распятый из Гиват-ха-Мивтара: переоценка». С. 22–27.

Медицинские доказательства: Клеймо пожизненного инвалида

С точки зрения анатомии и ортопедии это означает одну страшную вещь, которая является главным ключом ко всей нашей дальнейшей детективной истории воскресения. Даже если человек чудесным образом выживал после снятия с такого креста, он навсегда оставался глубоким, неизлечимым инвалидом. Пробитая насквозь толстым квадратным гвоздем пяточная кость и разорванное в клочья ахиллово сухожилие навсегда лишали человеческую стопу опорной функции. Человек с такой катастрофической травмой обеих ног больше никогда в своей жизни не мог ходить самостоятельно, без помощи костылей, тяжелого посоха или постоянной посторонней поддержки. Этот неопровержимый медицинский и анатомический факт станет решающим доказательством, когда мы начнем детально разбирать так называемые явления воскресшего Иисуса в следующей главе. Кроме того, гвозди в руки вбивались отнюдь не в центр ладони, как это показывают стигматы у средневековых мистиков. Ткани ладони не способны выдержать вес взрослого человеческого тела, плоть просто порвется, и осужденный сорвется с креста. Гвозди вбивались в запястья, в так называемое пространство Дестота, между костями предплечья. Этот удар неизбежно поражал срединный нерв, вызывая ослепительные, непрекращающиеся прострелы огненной боли по обеим рукам при каждом малейшем движении тела.³³

Смерть на римском кресте наступала не от невыносимой боли, не от жажды и даже не от потери крови от ран. Это была долгая, мучительная, растянутая во времени смерть от медленной механической асфиксии. Когда тело осужденного повисало на пробитых руках, вся тяжесть немедленно переносилась на грудные мышцы. Грудная клетка растягивалась до своего анатомического предела, и легкие оказывались в состоянии постоянного, парализующего вдоха. Чтобы сделать хотя бы один крошечный выдох и вытолкнуть из легких углекислый газ, распятый должен был, опираясь на пробитые гвоздями, стертые о грубое дерево пятки, превозмогая ослепительную, парализующую боль в разорванных сухожилиях, подтянуть весь вес своего тела вверх. Сделав судорожный выдох, обессиленный человек снова падал вниз, повисая на запястьях. И так каждый вдох и каждый выдох, час за часом, тысяча за тысячей раз, под палящим ближневосточным солнцем, в окружении жужжащих насекомых, слетающихся на кровь. Жертвы с крепким сердцем могли висеть на кресте до трех или даже четырех суток, медленно сходя с ума от удушья и боли, пока от абсолютного мышечного истощения не теряли физическую способность подтягиваться на ногах и не задыхались окончательно.³⁴

Именно поэтому хронология пятничных событий на Голгофе, описанная в Новом Завете, вызывает такое огромное количество неразрешимых вопросов у судмедэкспертов и современных библеистов. Согласно тексту Евангелия от Марка, в пятнадцатой главе, в двадцать пятом стихе, Иисус был распят в третьем часу, то есть около девяти часов утра по нашему современному времени. А умер он, согласно той же главе, в девятом часу, то есть около трех часов дня. Итого, Мессия пробыл на кресте всего шесть часов. С медицинской точки зрения это аномально, невероятно быстро. В том же Евангелии от Марка, в пятнадцатой главе, в сорок четвертом стихе, мы видим совершенно искреннюю, недоуменную реакцию римского префекта. Когда богатый и влиятельный член Синедриона Иосиф Аримафейский вечером, перед наступлением субботы, пришел к Пилату просить отдать ему тело для погребения, Пилат удивился, что Он уже умер, и, призвав сотника, спросил его, давно ли умер. Римский офицер высшего ранга, видевший за свою карьеру сотни подобных казней, прекрасно понимал, что за шесть

³³ Дж. Зиас, Э. Секелес. «Распятый из Гиват-ха-Мивтара: переоценка». С. 22–27.

³⁴ М. Маслен, П. Митчелл. «Медицинские теории о причине смерти при распятии». С. 185–188.

часов молодой мужчина в расцвете сил, даже если он был сильно истощен и жестоко избит римскими бичами до распятия, физиологически не умирает от асфиксии.³⁵

Чтобы ускорить смерть осужденных, особенно накануне важных иудейских праздников, чтобы не оскорблять чувства местного населения видом висящих трупов, римские солдаты применяли процедуру под названием круифрагиум. Это было жестокое перебивание голей тяжелым железным ломом или деревянным молотом. Лишившись костной опоры на ноги, человек больше не мог подтягиваться для выдоха, он мгновенно, всем своим весом повисал на пробитых руках и задыхался в течение буквально нескольких минут. Как описывает Евангелие от Иоанна в девятнадцатой главе, именно эту процедуру круифрагиума солдаты проделали с двумя разбойниками, распятыми по соседству с Иисусом. Но когда они подошли к центральному кресту, они увидели, что Иисус уже мертв. Ему голени не перебили. Официальная церковная теология утверждает, что он уже испустил дух по своей божественной воле, поэтому в перебивании ног не было никакой практической необходимости. Это идеально укладывалось в ветхозаветное пророчество о том, что кость пасхального агнца не должна быть сокрушена.

Но именно здесь строгая сравнительная текстология древнейших манускриптов преподносит нам еще один невероятный, переворачивающий всю историю сюрприз. В каноническом тексте Евангелия от Иоанна, в девятнадцатой главе, в тридцать четвертом стихе, написано, что когда солдаты увидели его умершим, один из воинов копьем пронзил Ему ребра, и тотчас истекла кровь и вода. Церковь на протяжении веков считает это финальным, неопровержимым медицинским подтверждением смерти Мессии. Но давайте отложим в сторону позднюю редакцию Иоанна и снова откроем бережно сохраненные страницы древнейших манускриптов — Синайского и Ватиканского кодексов. И мы обнаружим поразительную, шокирующую вещь.

В этих ранних рукописях четвертого века, которые являются самыми близкими к оригиналам копиями, эпизод с ударом солдатского копья находится совершенно в другом месте. Он расположен не в Евангелии от Иоанна после официальной констатации смерти. Он находится в Евангелии от Матфея, в двадцать седьмой главе, сорок девятом стихе. И происходит этот удар копьем до того, как Иисус издает последний громкий крик и испускает дух.³⁶

Это не просто перестановка предложений — это потрясающая текстологическая разница, полностью меняющая картину произошедшего. В древнейшей, не отредактированной версии римский легионер со скуки или из жестокости бьет тяжелым копьем еще живого, задыхающегося Иисуса, висящего на кресте. В более позднем, идеологически выверенном византийском тексте, который стал каноническим для всего христианского мира, редакторы осознали опасность этой детали. Они аккуратно вырезали этот удар копья из текста Матфея и перенесли его в текст Иоанна, поместив его строго и однозначно после момента наступления смерти. Зачем была нужна эта сложнейшая хирургическая операция с текстами? Чего так панически боялись древние редакторы?

Ответ кроется в физиологии. Если солдат ударил копьем живого, задыхающегося на кресте человека, тяжелый наконечник, вошедший в правую часть грудной клетки, между ребрами, мог вызвать сильнейший травматический плеврит или скопление жидкости в перикарде, сердечной сумке. Из глубокой раны действительно под давлением могла вытечь густая венозная кровь и прозрачная лимфатическая жидкость, похожая на воду, в точности как это описывают потрясенные очевидцы. Но самое главное заключается в другом: сильнейший болевой шок от глубокого проникающего удара копьем в грудь, наложенный на жесточайшее обезвоживание, удушье и колоссальную потерю крови от утреннего бичевания римским флагрумом, мог мгновенно спровоцировать глубочайший гиповолемический и травматический шок. Нервная система просто отключилась, спасая мозг от разрушения. Иисус потерял сознание. Он впал

³⁵ Новый Завет (критическое издание NA28). Мк 15:25, 33–45.

³⁶ Новый Завет (критическое издание NA28). Мф 27:49, аппарат; Ин 19:34.

в состояние глубочайшей комы, при которой дыхание становится настолько редким и поверхностным, а пульс настолько нитевидным и слабым, что не только грубые, привыкшие к крови сирийские наемники в римских легионах, но даже лучший античный врач не смог бы без специальных приборов отличить это состояние от реальной клинической смерти.³⁷

Солдат, ударивший Иисуса копьем в бок, не добил его. Как это ни парадоксально, этот жестокий удар спас ему жизнь. Увидев безвольно повисшее на гвоздях, бледное, не подающее ни малейших признаков жизни тело с зияющей раной в груди, легионеры решили, что дело сделано. Осужденный мертв. Поэтому они не стали утруждать себя и применять крурифрагиум, они не стали ломать ему тяжелым молотом голени. Иисус был официально признан мертвым и снят с креста с целыми костями ног, находясь в состоянии глубокой, физиологически похожей на смерть комы. Теневым спонсорам неудавшегося переворота, богатейшим олигархам Иосифу Аримафейскому и Никодиму, оставалось лишь использовать все свое колоссальное влияние и деньги, чтобы срочно забрать это изломанное тело у Пилата до захода солнца и перенести в прохладную, безопасную, вырубленную в скале пещеру. Им нужно было выиграть время, чтобы вдали от посторонних глаз начать беспрецедентную, тайную медицинскую операцию по реанимации своего политического лидера, в которого были вложены огромные надежды и средства.³⁸

Именно здесь мы вплотную подходим к финалу нашей исторической деконструкции первых дней. К тому самому критическому моменту, когда формируется главный, несущий миф, на котором будет построена вся двухтысячелетняя империя христианства. Миф о пустой гробнице.

Если мы в последний раз обратимся к древнейшим и самым надежным манускриптам, Синайскому и Ватиканскому кодексам, и откроем самую последнюю, шестнадцатую главу Евангелия от Марка, мы столкнемся с непреложным фактом, который современные теологи стараются обходить стороной и предпочитают не обсуждать с рядовыми прихожанами. Оригинальный текст Евангелия от Марка, самого первого, самого раннего и самого близкого к реальным историческим событиям документа, заканчивается невероятно внезапно, обрывисто, на шестнадцатой главе, восьмом стихе. Никакого торжества веры там нет.³⁹

Женщины, пришедшие ко гробу ранним воскресным утром, неся с собой ароматы, обнаруживают, что огромный, тяжелый камень, закрывавший вход, отвален в сторону. Они с трепетом входят внутрь склепа и видят там некоего юношу, облаченного в белую одежду, который говорит им, что Иисус воскрес и его здесь больше нет. И далее следует оригинальная, подлинная концовка старейшего Евангелия: И, выйдя, побежали от гроба; их объят трепет и ужас, и никому ничего не сказали, потому что боялись. На греческом это ἐφοβοῦντο ὑάρ (эфобу́нто гар) — ибо они были в ужасе. Точка. На этом слове обрывается текст. Конец Евангелия.

Никаких радостных явлений сияющего, воскресшего Иисуса Марии Магдалине в саду. Никаких долгих, философских бесед с разочарованными учениками по пыльной дороге в деревню Эммаус. Никакого физического вкладывания дрожащих пальцев сомневающегося апостола Фомы в раны от гвоздей. Никакого торжественного, кинематографичного вознесения на облаках на глазах у потрясенной толпы последователей. Самый древний документ, описывающий события пасхальной недели, заканчивается абсолютной паникой, бегством, пустой гробницей и скованным животным, парализующим страхом молчанием единственных очевидцев.

То, что мы читаем сегодня в современных печатных Библиях как окончание Евангелия от Марка, стихи с девятого по двадцатый, отсутствует в Синайском и Ватиканском кодексах

³⁷ У. Эдвардс, У. Гейбел, Ф. Хосмер. «О физической смерти Иисуса Христа». С. 1455–1463; П. Фредриксен. «О физической смерти Иисуса Христа». С. 2759; М. Маслен, П. Митчелл. «Медицинские теории о причине смерти при распятии». С. 185–188.

³⁸ Д. Эллисон. «Воскресение Иисуса». С. 11–14.

³⁹ Новый Завет (критическое издание NA28). Мк 16:8–20, аппарат.

IV века. В них повествование обрывается на бегстве женщин от гробницы. Однако называть длинное окончание поздней византийской вставкой нельзя. Уже около 180 года Ириней Лионский прямо цитировал Мк. 16:19 как слова Марка. Следовательно, эта концовка находилась в обращении не позднее II века, за столетия до появления византийской текстовой традиции. Речь идет не о средневековой фальсификации, а о крайне раннем альтернативном окончании, которое быстро распространилось и вошло в большинство рукописей. Его мог создать редактор, стремившийся заменить тревожный обрыв Марка более завершенной картиной явлений и вознесения, но точное происхождение текста остается неизвестным.⁴⁰

Филология все же показывает, что стихи 9–20 плохо соединяются с Мк. 16:8: меняются словарь и ритм, а Мария Магдалина заново вводится так, словно прежде не упоминалась. Поэтому многие текстологи считают длинное окончание не авторским финалом Марка, а очень ранним дополнением. Это сильный аргумент против его первоначальности, но не доказательство поздневизантийской подделки. Уже во II веке часть церкви воспринимала этот текст как завершение Евангелия.

Оригинальная история закончилась отнюдь не небесным триумфом и пением ангелов. Она закончилась пустой, взломанной гробницей. Женщины бежали в диком ужасе, потому что поняли: то, что они увидели, не было долгожданным эсхатологическим чудом воскресения. Это было местом тщательно спланированного, дерзкого преступления, секретной медицинской эвакуации, проведенной под покровом темноты. Камень был отвален не бестелесными ангелами с небес, а крепкими, мускулистыми руками людей, нанятых могущественными покровителями из Синедриона. Тело, снятое с римского креста в состоянии глубокой, спасительной комы, не вознеслось в райские кущи. Оно было тайно вывезено из склепа, чтобы начать долгий, полный смертельных опасностей путь беглеца, на изломанном теле которого навсегда остались страшные, незаживающие клейма римского правосудия. Путь, который навсегда разделяет судьбу реального, выжившего инвалида Иисуса и вымышленного, бестелесного, сияющего Христа новой мировой религии.⁴¹

⁴⁰ Ириней Лионский. «Против ересей» 3.10.5; Х. Хоутон. «Окончание Евангелия от Марка в двух катенных рукописях». С. 35–42.

⁴¹ Д. Эллисон. «Воскресение Иисуса». С. 94–101, 151–166, 336–345, 356–363.

Глава 4. Спецоперация «Гробница»: Спасение выжившего

История, которую на протяжении двух тысячелетий христианский мир воспринимает как величайшее мистическое чудо, при детальном критическом анализе античных текстов, современной медицинской науки и элементарной исторической логики предстает совершенно в ином свете. События, развернувшиеся в Иерусалиме весной тридцатого или тридцать третьего года нашей эры, между пятничным распятием на Голгофе и воскресным утром у пустой гробницы, несут на себе все отпечатки не сверхъестественного божественного вмешательства, нарушающего законы физики, а тщательно спланированной, блестяще реализованной логистической и медицинской спецоперации.

В центре этой операции находились не растерянные галилейские рыбаки, которые, согласно источникам, пребывали в состоянии глубокого шока и парализующего страха, а люди совершенно иного социального статуса. Это были фигуры, обладавшие реальной властью, колоссальными финансовыми ресурсами, агентурой и прямым доступом к высшим эшелонам римской и иудейской администраций. Канонические Евангелия, несмотря на их многовековую теологическую редактуру, направленную на сакрализацию событий, сохранили огромное количество слепых пятен, неудобных деталей, оговорок и сугубо физиологических подробностей. Если снять с евангельских текстов догматический глянец, перед нами разворачивается прагматичный, жестокий, но логичный сюжет: спасение лидера неудавшегося политического переворота, чья смерть на кресте была констатирована слишком рано, а так называемое воскресение сопровождалось густым запахом концентрированных лекарственных трав, свежими кровотокающими ранами и острой, почти животной потребностью в пище и скрытности. Чтобы в полной мере осознать, как стало возможным выживание Иисуса в условиях одной из самых жестоких казней древности, необходимо детально деконструировать сам механизм римского распятия. В массовом сознании и на церковных фресках распятие предстает как некий возвышенный, статичный символ. В реальности же в Иудее первого века это был изощренный инструмент римского государственного террора, шедевр садистской инженерной мысли, направленный на причинение максимальных, публичных и длительных страданий.

Главной целью распятия была не констатация смерти как юридического факта, а максимальное продление агонии на обозрение запуганной толпы. Приговоренный умирал не от потери крови. Римляне использовали различные типы крестов. Гвозди, обычно это были грабые железные стержни длиной тринадцать — восемнадцать сантиметров, вбивались не в ладони, которые не выдержали бы веса тела и порвались, а в запястья — в пространство между лучевой и локтевой костями, либо в карпальный туннель. Пробивая это пространство, гвоздь раздавливал срединный нерв, вызывая парализующую, простреливающую боль, от которой человек терял сознание, но при этом крупные магистральные артерии оставались нетронутыми, и фатального кровотечения не происходило. Раны на руках и ногах быстро тромбовались.⁴²

Смерть на кресте наступала от медленной асфиксии, то есть удушья, и от ортостатического коллапса. Когда тело повисало на вытянутых руках, грудные мышцы, межреберная мускулатура и диафрагма оказывались зафиксированы в состоянии гипервдоха. Чтобы сделать хотя бы один выдох, висющий на кресте человек должен был подтянуться на пробитых руках и опереться на пробитые ступни, преодолевая невыносимую боль. Этот мучительный цикл — вдох, судорожное подтягивание, выдох, бессильное провисание — мог продолжаться сутками,

⁴² Новый Завет (критическое издание NA28). Мк 15:25, 33–45.

пока у жертвы не наступало полное мышечное истощение. Римские историки и врачи, такие как Иосиф Флавий в его «Иудейской войне», описывают случаи, когда распятые мятежники оставались живы на крестах до трех, четырех и даже пяти дней. Флавий сам упоминает эпизод, как он выпросил у римского командующего снятие трех своих знакомых с крестов: двое умерли на земле, а один, получив квалифицированную медицинскую помощь, полностью выздоровел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.